Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «террористическая деятельность»

Ларсаева Кесира Джалалдиевна
студентка 2 курса направление «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"

Полагаем, что классификация преступлений экстремистской направленности породила в науке российского уголовного права безосновательные, на наш взгляд, споры относительно того, относится ли к преступлениям экстремистской направленности террористический акт (ст. 205 УК РФ) или нет. Ответ на данный вопрос с нашей стороны является положительным, поскольку терроризм чаще всего рассматривается в качестве формы политического экстремизма (но почти во всех случаях как видовое, производное от экстремизма понятие и явление); что уже отмечалось в предыдущей главе. При этом террористическую деятельность, принято рассматривать в качестве вида экстремистской деятельности.

На наш взгляд, уголовный закон вообще не нуждается в понятии «террористическая деятельность», введённом в название ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ. Такому законодательному нововведению послужило принятие Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», посредством которого законодатель решил закрепить на правовом уровне очередной неограниченный по широте своего толкования политический термин без учёта его значимости для уголовного права и законодательства, устанавливающего ответственность в целом. В результате в УК РФ образовалось не только правовое, но и сложное научное противоречие, суть которого состоит в искусственном выделении некой «террористической деятельности», как совокупности преступлений террористического характера, в самостоятельную группу преступлений, не относящихся, по мнению законодателя и некоторых учёных, к преступлениям экстремистской направленности.

В прежней редакции ст. 205.1 УК РФ «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению» (например; в ред. Федерального закона от 05.01.2006 № 1Г-ФЗ) употреблялся, на наш взгляд, наиболее приемлемый и понятный; для науки уголовного права термин - «преступления террористического характера».

По нашему мнению, под преступлением террористического характера следует понимать особую криминальную форму экстремизма, дополнительным; характеризующим признаком которой является, террор, как средство достижения политических целей; При этом понятие «террористическая» деятельность» теоретически намного шире понятия «преступления террористического характера», поскольку первое охватывает не только уголовно наказуемые, но и любые иные; деяния;, прямо, или косвенно направленные на нагнетание страха и ужаса для достижения конкретных политических целей. Поэтому употребление в уголовном законе какого-либо понятия для обозначения определённой категории преступлений, содержание которого, однако, выходит за рамки уголовно-правового аспекта; мы считаем излишним.

Точно также, на наш взгляд, выглядит соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности»[1,с.145]. Преступления экстремистской направленности образуют лишь незначительную по своему количеству совокупность деяний; отличающихся от общего количества всевозможных противоправных проявлений экстремизма (экстремистской деятельности) своим уголовно-правовым характером.

На наш взгляд, исходя из теоретико-дедуктивного подхода, состав преступления террористического характера должен отличаться следующими квалификационными признаками: 1) экстремистский мотив; 2) политическая цель; 3) террор, раскрывающий содержание общественно опасного деяния, как признака объективной стороны состава преступления. Практическая проблема, однако, состоит в том, что при таком научном понимании преступлений террористического характера к ним нельзя отнести ни одного состава преступления, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ, в силу неудачных, на наш взгляд, законодательных формулировок тех составов преступлений, которые законодатель относит к «террористической деятельности».[2,с.46]

Сущность террористического акта, на наш взгляд, состоит в том, что решения органов государственной власти или международных организаций, на принятие которых террористы оказывают воздействие, всегда должны носить антидемократический характер или даже ставить под угрозу основы конституционного строя и безопасность государства. Другими словами, террористы всегда настаивают на принятие государственными органами решений антиконституционного характера, что предполагает наличие экстремистского мотива в их деяниях.

В любом случае, мы считаем криминальные формы терроризма исключительно политическими преступлениями, истинную сущность которых в УК РФ маскирует термин «общественная безопасность». Это объясняется уже тем, что три состава преступления из перечисленных в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ относятся к преступлениям против основ конституционного строя Российской Федерации: ст. 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и ст. 279 УК РФ «Вооруженный мятеж».

Мы полагаем, если целью совершения преступления выступает насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, то преступление всегда совершается на почве приверженности к экстремистской идеологии, сущность которой, как раз, и состоит во враждебности к основополагающим конституционным принципам демократического государства. Так, несомненно, к преступлениям экстремистской направленности относится, на наш взгляд, организация вооружённого мятежа либо активное участие в нём в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации (ст. 279 УК РФ «Вооружённый мятеж»). Но данное обстоятельство порождает вопрос относительно целесообразности дополнительной квалификации указанных деяний по п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. По этому поводу мы отметим лишь то, что гарантией принципа справедливости при квалификации деяния, как преступления экстремистской направленности, является, на наш взгляд, только самостоятельное доказывание экстремистского мотива вне зависимости от признаков объективной стороны состава преступления.

Литература:

1. Бидова Б.Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на северном Кавказе: анализ и пути решения //Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования (http://haa.su/Gtg/). 2014. № S. - С. 145-146.

2. Кагерманов А.С.С., Бидова Б.Б. Идеологические направления российского экстремизма конца XIX - начала XX вв //Научно-информационный журнал Армия и общество. 2014. №2(39) http://haa.su/AmC/. - С. 45-48.